

Андреас Шляйхер

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ: ПОЧЕМУ ОБРАЗОВАНИЕ — КЛЮЧ К УСПЕХУ ЕВРОПЫ¹

Аннотация

Встретившись на саммите в Лиссабоне в 2000 г., главы государств ЕС поставили цель превратить Европу в «самую конкурентоспособную и динамичную экономику в мире, основанную на знаниях». Сегодня стоит вспомнить о том, что развитие современной «экономики знаний» отражает масштабный переход от экономики, основанной на земле, труде и капитале, к экономике, в которой основными факторами производства являются информация и знания. По этой причине самой эффективной современной экономикой будет такая, где производится наибольший объем информации и знаний и где они становятся легко доступными для подавляющего числа людей и организаций.

Времена, когда Европа конкурировала в основном со странами, предлагавшими низкоквалифицированную рабочую силу по низкой цене, давно прошли. Сегодня такие страны, как Китай и Индия, начинают поставлять по низкой цене высококвалифицированную рабочую силу — и делают это все более активно. Это существенно меняет правила игры. Европа не может помешать этим быстро развивающимся странам выпускать — волна за волной — высококвалифицированных специалистов с высшим образованием. «Барьеры на вход», как их называют экономисты, рушатся. Индивиды и компании, находящиеся в любой точке мира, легко могут сотрудничать и конкурировать в глобальном масштабе. И эти силы невозможно выключить без колоссального ущерба для нашего экономического благосостояния.

Образование
окупается —
всегда

Вызов для Европы очевиден. Но не менее очевидно и решение: факты показывают — неизменно и на протяжении времени, — что страны и континенты, которые инвестируют значительные средства в образование и обучение, выигрывают от этого как в экономическом, так и в социальном плане. На каждый евро, вложенный в получение высокой квалификации, налогоплательщики через экономический рост получают обратно еще большую сумму. Более того, эти вложения приносят материальную выгоду всему обществу в целом, а не

¹Schleicher Andreas. The Economics of Knowledge: Why Education is Key for Europe's Success // Policy brief. The Lisbon Council. 2006. (Пер. с англ. Е. Покатович)

только тем индивидам, которые выигрывают от расширения возможностей получить образование. Перед лицом быстро меняющегося мира европейским системам школьного образования придется сделать большой шаг вперед, чтобы удовлетворить потребности современного общества. Некоторые из этих изменений потребуют дополнительных инвестиций, особенно для первого этапа школьного обучения. Но факты также показывают, что деньги сами по себе не гарантируют высоких результатов. Проще говоря, системы школьного образования в Европе должны учиться быть более гибкими и эффективными в плане улучшения результатов обучения. Кроме того, им необходимо снизить уровень присущих существующей системе классовых перекосов и фактического налогообложения бедных для субсидирования образования богатых. Короче говоря, если Европа хочет сохранить свое конкурентное положение на вершине глобальной цепочки создания добавленной стоимости, система образования должна стать более гибкой, более эффективной и более доступной для максимально широкого круга людей.

Исследования ОЭСР показывают, что средства, израсходованные на получение университетского образования, приносят дивиденды на уровне выше реальных процентных ставок, и зачастую значительно выше (см. рис. 1). Различие в суммах доходов, на которые могут рассчитывать человек с высшим образованием (т.е. уровня колледжа или выше) и человек, имеющий лишь среднее образование (т.е. образование, которое заканчивается в возрасте 16—18 лет), возрастало в среднем на один процентный пункт в год с 1997 по 2003 г. в 22 странах ОЭСР, по которым имеются соответствующие данные. Кроме того, разрыв в доходах между работниками со средним и высшим образованием варьирует от 25% в Дании и Новой Зеландии до 50—119% в Великобритании, Венгрии, Германии, Ирландии, Италии, Португалии, США, Финляндии, Франции, Чехии и Швейцарии (см. рис. 2). Страны, в которых люди получают дополнительно один год образования, могут повысить производительность и со временем увеличить объем выпуска на 3—6% (см. рис. 3 и 4). В то же время люди без базового образования сталкиваются с риском безработицы и бедности, который существенно повысился и продолжает возрастать.

1. Создать и поддерживать систему разнообразных и **высококачественных** образовательных учреждений, способных реагировать на спрос и отвечающих за результаты своей деятельности.

2. Обеспечить такую организацию роста и развития систем высшего образования, которая позволит расширить доступ к образованию, повысить его качество и способствовать равенству.

3. Реализовывать политику финансирования и поддержки студентов, которая сможет **мобилизовать государственное и частное финансирование** с помощью таких способов, которые лучше отражают общественные и частные выгоды от высшего образования.

4. Используя управленческие, финансовые и кадровые методы, стимулировать развитие университетов таким образом, чтобы

Ключевые
рекомендации

Рис. 1. Отдача от инвестиций в образование превышает реальные процентные ставки²

Уровень доходности вложений для мужчин, получающих университетское образование (уровни ISCED* 5/6) при наличии среднего (полного) или послешкольного невысшего образования (ISCED 3/4)

² Реальная процентная ставка в Европе — 1—2%

* International Standard Classification of Education (Международная стандартная классификация образования)
 (Прим. пер.)

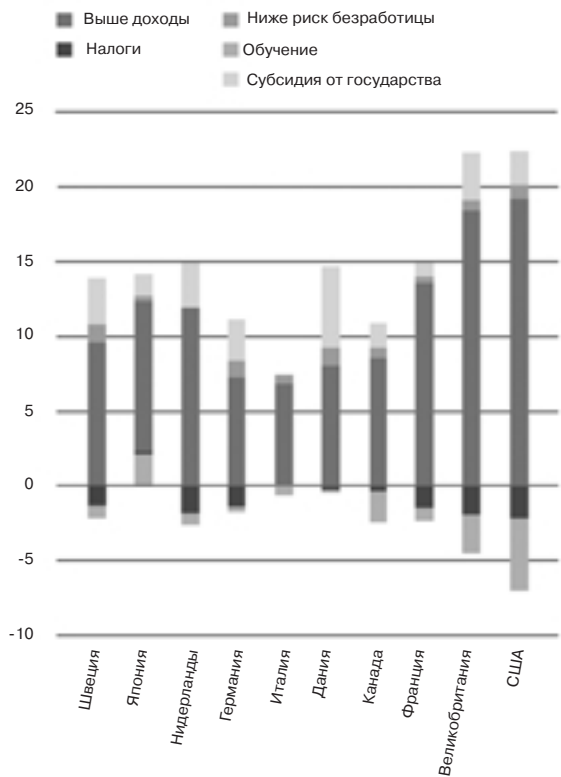
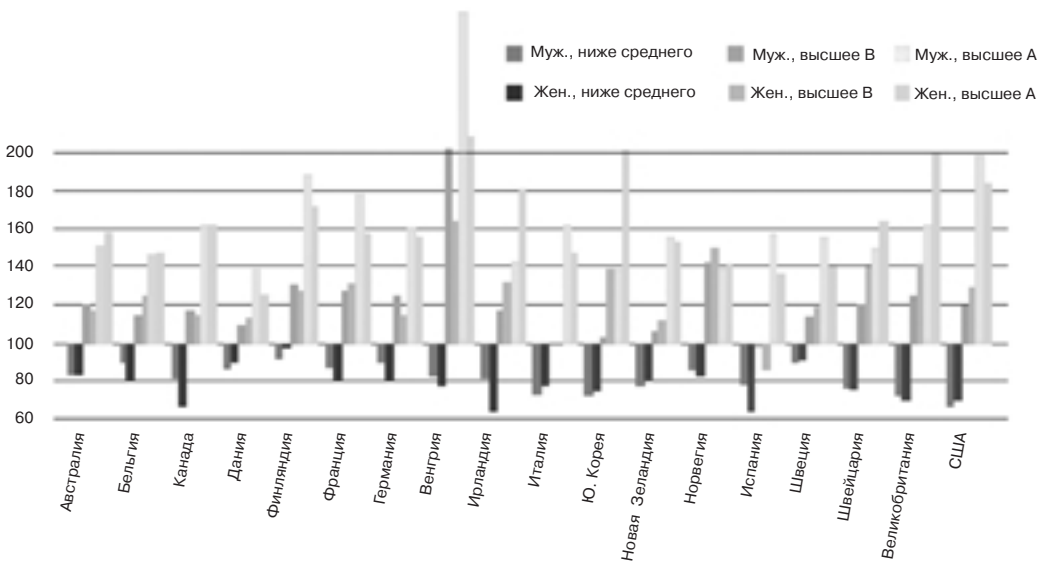

Рис. 2. Работники с более высоким уровнем образования получают более высокую заработную плату

Относительный уровень доходов от трудовой деятельности для людей 25—64 лет (среднее (полное) образование = 100)

Источник: ОЭСР.

Рис. 3. Рост производительности труда и уровня занятости способствует росту подушевого ВВП...

Среднегодовые изменения в процентах (1990—2000 гг.)

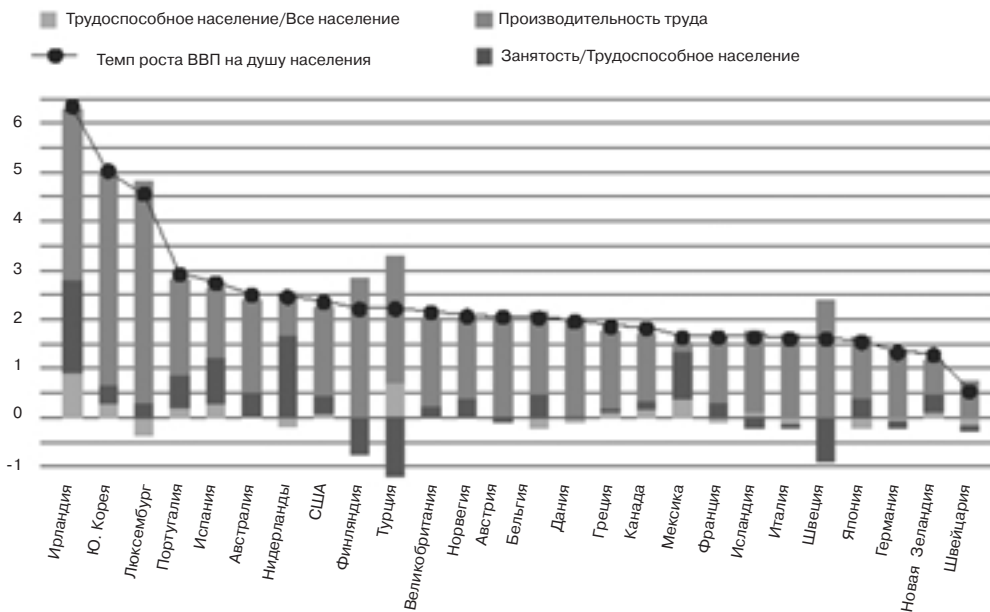
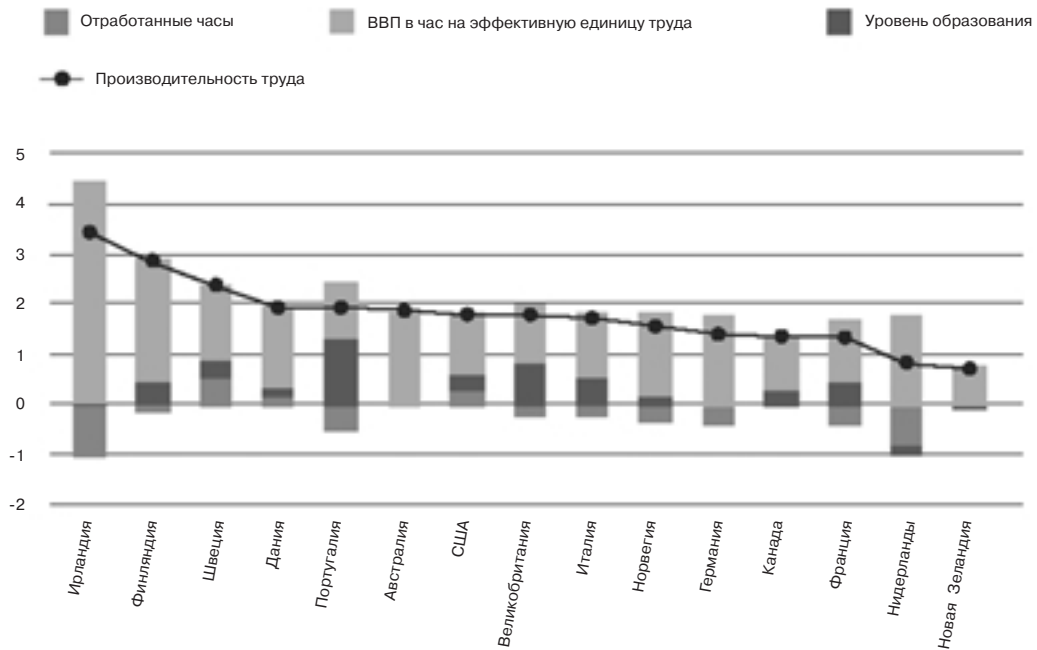

Рис. 4. ...а образование способствует производительности труда

Среднегодовые изменения в процентах (1990—2000 гг.)

Источник: ОЭСР.

их лидерский потенциал и стратегический менеджмент соответствовали потенциалу и возможностям современных предприятий, чтобы обеспечить прозрачность и **финансовую устойчивость их деятельности в долгосрочном периоде.**

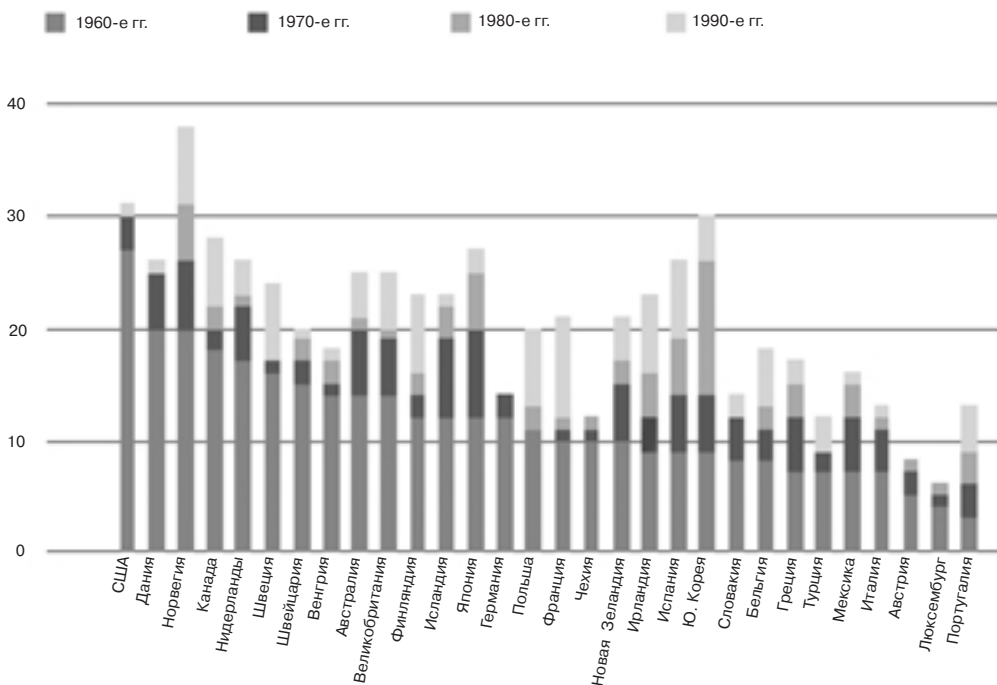
5. Добиться того, чтобы руководящие органы университетов направляли их деятельность, исходя из гораздо более широких общественных интересов, чем интересы академического сообщества.

Спрос на образование возрастает во всем мире

Данные ОЭСР также показывают, что во всем мире все больше людей повышают уровень своего образования (см. рис. 5). Сегодня почти в каждой из 30 стран — членов ОЭСР из колледжей выходит больше выпускников, чем в 1960 г., но темпы прироста существенно различаются. В 1960-е годы Южная Корея имела ВВП, равный ВВП Афганистана, и занимала 21-е место среди 30 стран ОЭСР по доле взрослых граждан, имеющих высшее образование. Сегодня она на третьем месте среди 30 стран по доле людей в возрасте от 25 до 34 лет, имеющих высшее образование, в общей численности населения (об этом феномене см. раздел «Корейское "чудо"» на стр. 38). Некоторые европейские страны, включая Ирландию, Испанию и Португалию, также улучшили свое относительное положение. Но большая часть круп-

Рис. 5. Все больше людей получают университетские дипломы

Аппроксимировано долей людей, имеющих образование уровня ISCED 5A/6 в возрастных группах 55–64 года, 45–55 лет, 35–44 года и 25–34 года (2003 г.)

Источник: ОЭСР.

нейших экономик Европы, включая Великобританию, Италию и Францию, лишь сохранила свои позиции или, как в случае Германии, существенно их ухудшила. В Германии прирост числа людей с высшим образованием был столь невелик, что с 14-го места среди 30 стран ОЭСР, которое она занимала в 1960-е годы, страна опустилась на 23-е место в 1990-е (хотя сильная система профессионального образования в Германии отчасти компенсирует этот провал).

Глядя в будущее, можно предположить, что различия между странами по достижениям в области образования будут увеличиваться. США традиционно лидировали по степени охвата высшим образованием, и она остается высокой. Однако в северных странах более 2/3 сегодняшних выпускников школ поступают в высшие учебные заведения, оставляя США по этому показателю позади. Тем временем Франция и Германия могут «похвастаться» охватом высшим образованием в расчете на душу населения, составляющим чуть больше половины от уровня стран—лидеров. Это признак того, что Франция и Германия, на которые приходится 35% экономики ЕС, составляющей 11,6 трлн евро, больше не относятся к мировым лидерам в области развития знаний.

Можно представить, что при таком расширении возможностей получить образование произойдут сильная инфляция и в конце концов снижение ценности степеней и званий. Однако факты свидетельствуют об обратном. За исключением Испании, рост объема заработков и других переменных, характеризующих ценность образования на рынке труда, превышал увеличение предложения с 1998 г. — самого раннего периода, за который имеются сопоставимые данные. Это означает, что спрос на высокую квалификацию возрастает быстрее, чем ее предложение со стороны имеющихся институтов.

Качество европейского высшего образования оценить действительно тяжело, но последний рейтинг университетов, составляемый шанхайским университетом Цзяо Тун, — наиболее часто цитируемый, но не бесспорный — показывает, что Европа могла похвастаться университетами мирового класса до того, как Америка вообще появилась на европейских картах. Но сегодня она отстает по качеству выпускников (см. табл. 1). Согласно шанхайскому исследованию, из 20 первых по рейтингу университетов 17 находятся в США и только два — в Европе. Более того, почти 40% всех иностранных студентов в мире едут учиться в США. Это признак того, что США остаются выбором № 1 для потребителей образования в мире. Результаты на уровне среднего образования вдохновляют немногим больше. В последнем раунде Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment, PISA), оценивающей успехи учащихся в ведущих промышленно развитых странах, на которые приходится 90% мировой экономики, учащиеся лишь в очень немногих из основных европейских стран показали результаты существенно выше средних по ОЭСР, а во многих странах результаты оказались ниже среднего уровня.

Ведущие университеты больше не здесь

Таблица 1.

Только два европейских университета входят в число 20 лучших в мире

Ранг	Университет	Страна
1	Гарвард	США
2	Кембридж	Великобритания
3	Стэнфорд	США
4	Калифорнийский (Беркли)	США
5	Массачусетский технологический институт	США
6	Калифорнийский технологический институт	США
7	Колумбийский	США
8	Принстон	США
9	Чикаго	США
10	Оксфорд	Великобритания
11	Йель	США
12	Корнелл	США
13	Калифорния (Сан-Диего)	США
14	Калифорния (Лос-Анджелес)	США
15	Пенсильвания	США
16	Висконсин	США
17	Сиэтл	США
18	Калифорния (Сан-Франциско)	США
19	Джон Хопкинс	США
20	Токио	Япония

Источник: Институт высшего образования, Университет Цзяо Тун, Шанхай.

Успех финской системы образования связывают со многими факторами, включая лежащие вне сферы непосредственной досягаемости для государственной политики. Однако тем, кто приписывает высокие результаты Финляндии в сфере образования исключительно культурным и контекстуальным факторам, следует напомнить, что еще в середине 1980-х годов учащиеся средних школ в Финляндии показывали результаты в использовавшихся тогда международных тестах по естественным наукам лишь немногим лучше среднего уровня по ОЭСР.

Одним из элементов успеха Финляндии стала способность реализовать реформу такими методами, которые выходили за рамки оптимизации существующей структуры, политики и практики и были направлены на фундаментальную трансформацию парадигм и убеждений, лежавших в основе политики и практики обра-

зования до 1960-х годов. Ключевым принципом финских реформ было установление связи между высокими ожиданиями и сильными системами поддержки школ таким образом, чтобы поощрить учителей и директоров школ к принятию на себя ответственности за успехи каждого учащегося. Пространные содержательные предписания относительно того, чему учителя должны учить, были заменены концентрированным набором целей образования, в которых формулировалось, что учащиеся должны уметь, а создание среды обучения и определение содержания образования, которое наилучшим образом поможет учащимся достичь этих целей, было оставлено на усмотрение школ. Школы с комплексным и индивидуализированным обучением сменили в Финляндии четко направляемую школьную систему. В результате удалось преодолеть распространённое представление о том, что когда ученики получают плохие оценки, это означает, что учителя учат правильно, но им достаются плохие ученики. Школьное сообщество осознало, что дети, испытывающие затруднения в учебе, не повысят свои достижения до тех пор, пока будут чувствовать, что у учителя сформировались относительно них более низкие ожидания, чем относительно их соучеников. Ушло в прошлое убеждение, что неуспевающим ученикам можно помочь, давая им «больше того же самого».

Упор на то, чтобы учителя и школы решали проблемы, а не перекладывали их на других, помог превратить профессию учителя в занятие, требующее высокой квалификации, в котором, как и в других профессиях, нужна способность установить проблему и на основе имеющихся фактов выбрать необходимые практические приемы ее решения. К учителям вернулось чувство профессиональной гордости. Система образования также помогала школам широко распространять образцы лучшей практики, поощряла учителей и школы к постоянному расширению репертуара педагогических стратегий, индивидуализировать обучение для всех учащихся, добиваться принятия инновационных подходов к формированию расписания, использовать дифференцированные стратегии набора персонала. Она также стимулировала появление профессиональной этики, которая предполагает, что дети приходят в класс, имея разные наборы знаний и умений, а также разные способности, стремления и что в итоге потребности каждого молодого человека необходимо оценить, а его/ее таланты — развить с помощью разнообразных стратегий обучения.

В Финляндии школы также получили сильную систему поддержки, которая помогла создать сеть школ, способных стимулировать и распространять инновации, сотрудничать с чиновниками в области образования и друг с другом, обеспечивать разнообразие программ, расширение спектра услуг и поддержку местных жителей. Наличие этой сети помогает объяснить самый большой успех Финляндии — высокие показатели школ стабильны и предсказуемы по всей системе образования. По последним данным PISA, разброс результатов учащихся в различных школах составил менее 5%.

В Европе сохраняются некоторые из лучших в мире школ и систем образования. Несмотря на неутешительные общие результаты Европы, учащиеся из Финляндии в 2003 г. во второй раз возглавили список PISA. Это показывает, что блестящие результаты учащихся в рамках школьной системы в целом — достижимая цель при разумных издержках. Многие из наиболее успешных систем образования, включая финскую, имеют нечто общее: в них акценты смещены с управления ресурсами и содержанием образования на достижение более высоких результатов. Они перешли от бессистемного обучения к установлению единых высоких требований, от единообразия системы — к признанию многообразия и индивидуализации обучения. Акцент на предоставлении образования сменился акцентом на выборе образования, школы перешли от бюрократического подхода к децентрализации полномочий и ориентации на результат, от разговоров о равенстве — к обеспечению равенства. Самое главное, что упор был сделан на создании «богатой знаниями» образовательной системы, в которой учителя и директора школ действуют как партнеры и обладают полномочиями действовать, необходимой для этого информацией и доступом к эффективной системе поддержки своей деятельности по реализации изменений.

Издержки
недоинвести-
рования

В нынешнем состоянии расходы на высшее образование в США превышают европейский уровень более чем на 50% в расчете на одного студента, и это превышение в основном объясняется более значительными поступлениями от частного сектора и от платы за обучение (см. рис. 6). В то же время в северных странах число студентов, получающих высшее и прочее образование, резко выросло в основном за счет значительных государственных расходов на высшее образование (см. рис. 7). Эти государства с самого начала рассматривали инвестиции в образование как вложения, которые принесут высокие дивиденды как индивидам, так и обществу в целом. Но США, Австралия, Южная Корея и Япония также улучшили доступ к высшему образованию, прежде всего добившись оплаты студентами части издержек. В противоположность этому большинство стран континентальной Европы сдерживает развитие своих университетов, не вкладывая в них государственные средства и не позволяя университетам взимать плату за обучение. Как правило, в Европе аргументируют такую политику тем, что взимание платы за университетское образование будет несправедливым или приведет к неравенству, и в то же время взимают плату за детское и другое начальное образование, где равенство действительно имеет большое значение.

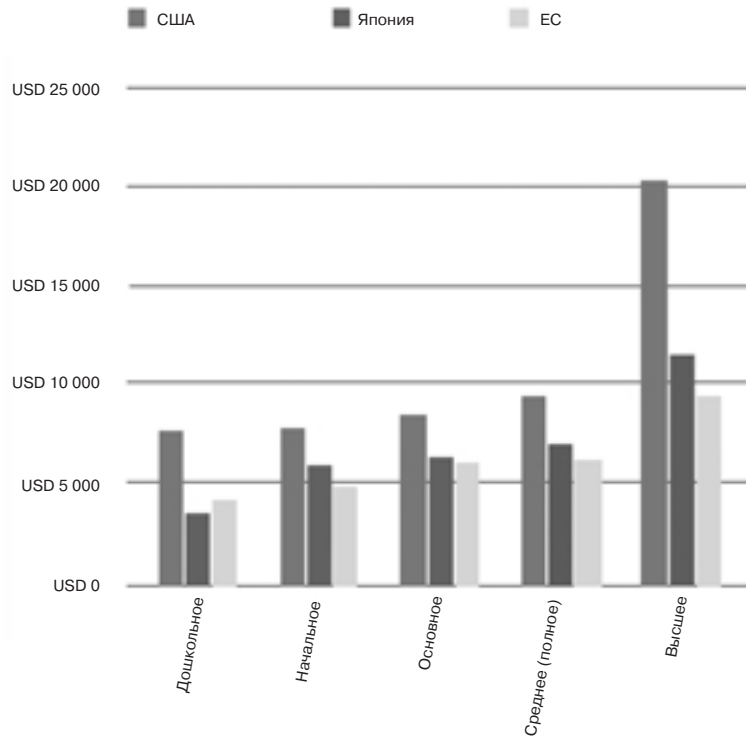
Обучающим
тоже требуется
обучение

Без сомнения, образование — это индустрия знаний в Европе в том смысле, что образование связано с передачей знаний. Но европейское образование отнюдь не является индустрией знаний в том смысле, что оно не поддается трансформации с помощью знаний о приемах и методах обучения. В других областях люди вступа-

Рис. 6. В ЕС расходы на образование в расчете на одного учащегося ниже на всех уровнях

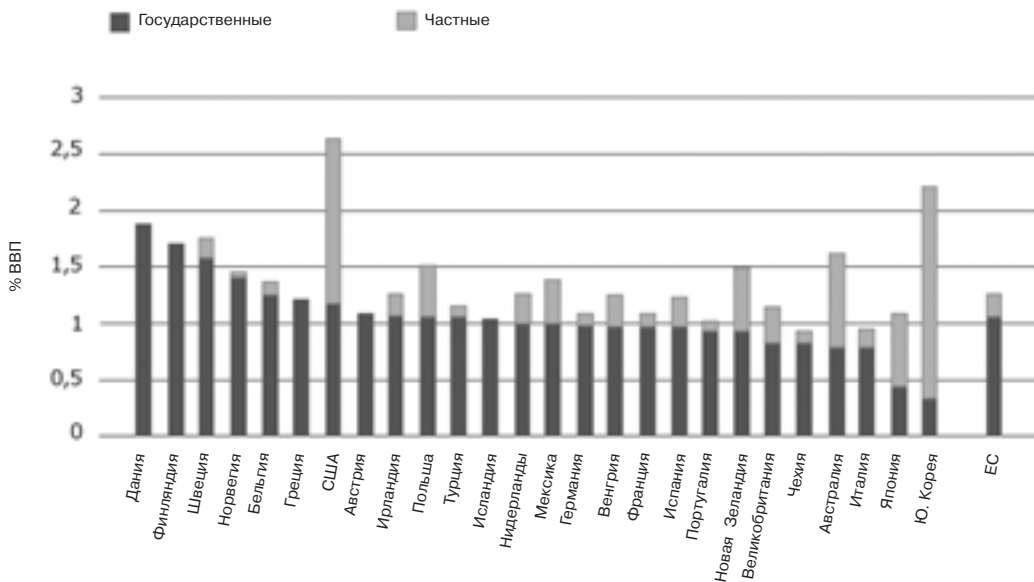
В эквивалентных долларах США (USD), сконвертированных с использованием ППС

Источник: ОЭСР.

Рис. 7. Инвестиции в высшее образование

Расходы на высшие учебные заведения в процентах ВВП в 2002 г

ют в профессиональную жизнь, рассчитывая на то, что исследования, которые ведутся в их сфере деятельности, и приобретаемые знания будут трансформировать их профессию. Для образования это не так. Конечно, существует значительный корпус исследований, касающихся обучения, но большая его часть никак не связана с тем, как обучение осуществляется в реальности. Образование в Европе продолжает существовать как кустарная отрасль: те, кто этим занимается, работают в изоляции и в своей практике опираются на давно сложившиеся методы работы. По-прежнему доминирующие в европейских школах предписания из центра о том, что следует делать учителям, не смогут преобразовать практику преподавания так, как это может сделать профессиональное участие в поиске новых эффективных путей и методов обучения. Создание такой базы методов для улучшения преподавания — более надежный путь к повышению эффективности, чем поиск в практике других стран, хотя и там есть полезные уроки, особенно для стран с низкими результатами PISA. В прошлом веке все те европейские страны, которые пытались сохранить свои системы, занятия, культуру и традиции, отгораживаясь от остального мира, были охвачены стагнацией. Это не означает, что Европа не в состоянии ничего сделать для адаптации к этой новой конкуренции и новому миру. Это скорее означает, что Европе необходимо будет найти пути к продвижению вверх по цепочке создания добавленной стоимости. Ключевым фактором для этого будут люди, обладающие высокой квалификацией, способностями и мотивацией продолжать учиться всю свою жизнь.

Корейское «чудо»

Международные сопоставления демонстрируют странам текущее состояние дел. Но более существенно то, что они также показывают возможное состояние дел и возможные темпы изменений.

В 1960-е годы национальный доход Южной Кореи был ниже уровня Мексики и всех стран Южной Америки. Законченное среднее образование имели менее трети взрослого населения, что ставило Южную Корею почти в самый конец списка из 30 стран — членов ОЭСР по уровню образования.

Сегодня высшее образование имеют 97% корейцев в возрасте от 25 до 34 лет, и это самый высокий показатель среди основных промышленно развитых стран. Корея сравнима с ведущими странами мира не только по количественным характеристикам образования, но и по качеству результатов обучения и равенству образовательных возможностей в школах.

Добиться успеха помогли многие факторы. Вероятно, наиболее важным из них было то, что ни общество, ни представители системы образования в Южной Корее никогда не допускали возникновения системных и структурных барьеров, которые препятствовали обучению и усиливали неравенство в других странах. Когда спрос на образование стал обгонять предложение, учащихся не начали отправлять по домам. Вместо этого увеличивались размер классов

и продолжительность обучения. Родители были готовы дополнять государственное образование высокими частными инвестициями в дополнительное обучение наряду со школьным. Стимулом, двигавшим эти реформы вперед, было множество образовательных возможностей. Основанием для оценки успехов было то, что дети умели делать, а не то, откуда они родом. Мотивирующие сигналы от рынка труда, который ставил образование на первое место среди параметров, определяющих карьерный рост и оплату труда, дали квалифицированным людям высокую степень социальной мобильности, позволив им возместить обществу и экономике затраты на их обучение.

В то же время Южная Корея не стала «почивать на лаврах». Она продолжает проводить энергичную реформу образования, постоянно сопоставляя ее успехи с результатами стран—лидеров и инвестируя в образование большую долю национального дохода, чем любая другая страна ОЭСР (см. рис. 7).

Европейские университеты едва ли сумеют догнать лидеров, если нашим правительствам не удастся создать и сохранить систему разнообразных и высококачественных образовательных учреждений, способных реагировать на спрос и отвечающих за результаты своей деятельности (см. рис. 8). Европе необходимо обеспечить такую организацию роста и развития систем высшего образования, которая позволит расширить доступ к образованию, повысить его качество и способствовать равенству. Мы должны реализовывать политику финансирования и поддержки студентов, которая сможет мобилизовать государственное и частное финансирование с помощью таких способов, которые лучше отражают общественные и частные выгоды от высшего образования. Используя управленческие, финансовые и кадровые методы, стимулировать развитие университетов таким образом, чтобы их лидерский потенциал и стратегический менеджмент соответствовали потенциалу и возможностям современных предприятий, чтобы обеспечить прозрачность и финансовую устойчивость их деятельности в долгосрочном периоде. Необходимо добиться того, чтобы руководящие органы университетов направляли их деятельность, исходя из гораздо более широких общественных интересов, чем интересы академического сообщества

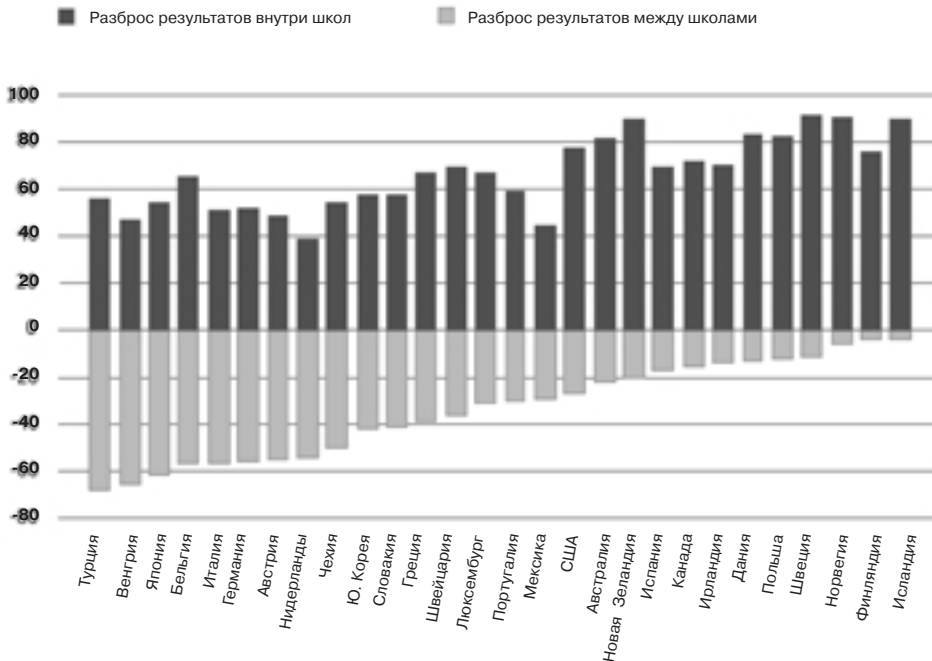
Некоторые утверждают, что если дать школам больше свободы, то это приведет к увеличению различий между школами, а тем самым к большему неравенству в результатах обучения. Конечно, это риск, но практика показывает, что с ним можно справиться. Например, в Финляндии школам дается значительная свобода в организации среды обучения и управлении ресурсами, но при этом им удается удерживать разброс в качестве обучения между школами в пределах 5% общей вариации результатов учащихся (см. рис. 9). Итогом является то, что родители могут положиться на вы-

Рис. 8. Одна проблема — разные подходы

Рис. 9. Разброс в результатах по математике для учащихся в возрасте 15 лет

Источник: ОЭСР.

сокие и стабильные стандарты во всей школьной системе. В противоположность этому некоторые из наиболее централизованных систем образования демонстрируют едва ли не самые высокие различия в результатах между школами. Это показывает, что одинаковые ресурсы у школ не преобразуются автоматически в одинаковые результаты обучения. В прошлом системы образования могли объявлять о достижении равенства, когда все школы функционировали одинаково. Теперь равенство необходимо оценивать по степени равенства достигаемых результатов.

В этом заключается, вероятно, наибольшее разочарование в европейских системах образования. Многие из них делают амбициозные заявления, когда речь заходит об обеспечении равенства образовательных возможностей. Но исследование PISA показывает, что в таких странах, как Германия, Франция или Италия, социальное происхождение значительно сильнее влияет на академическую успешность учащихся, чем в США. Это означает, что несмотря на номинальный упор, который делается на равенстве и равноправии в системе образования, европейцы из низших социально-экономических слоев не получают тех же образовательных возможностей, что и дети из богатых семей и среднего класса. Данные исследований, проведенных во многих странах, показывают, что европейские школы усиливают существующее социально-экономическое неравенство. Иными словами, проводимая нами политика приносит плоды, которые отличаются от заявленных целей, — ситуация, над которой нам всем стоило бы поразмыслить.

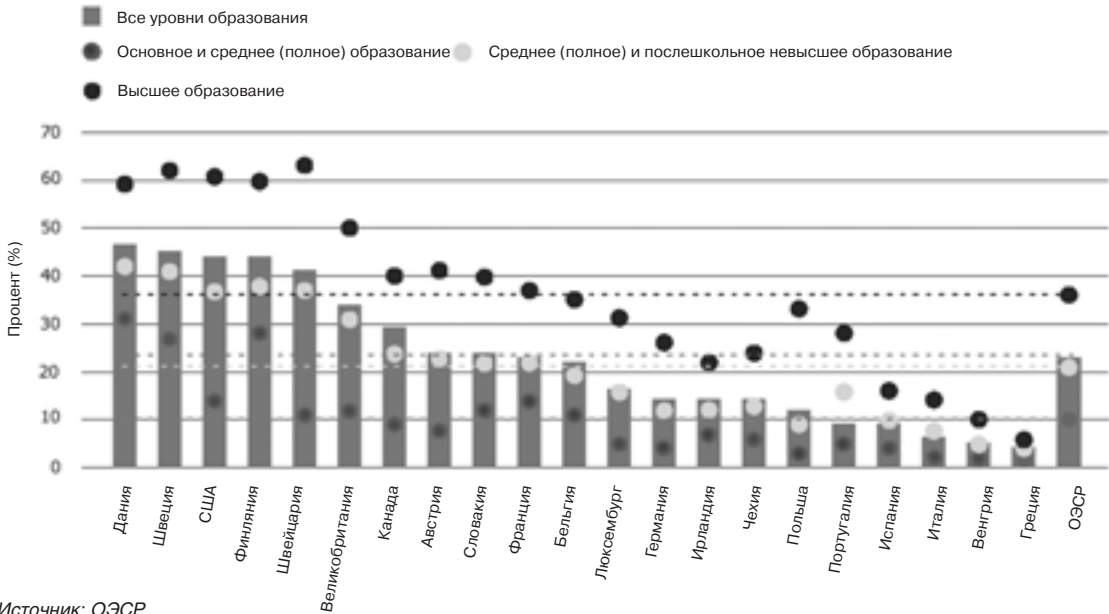
Международные сопоставления показывают, что разброс результатов учащихся и различия в результатах между школами, как правило, выше в странах, где в раннем возрасте осуществляется жесткий выбор между типами программ и школ. Они также показывают, что последствия социальной кластеризации более значительны в школьных системах с дифференцированными типами школ, чем в системах, где программы в разных школах мало различаются. Например, в немецкой системе детей еще в 10-летнем возрасте делят на группы, получающие профессиональное или академическое образование. В итоге немецкие дети, родители которых — высококвалифицированные «белые воротнички», имеют вчетверо больше шансов попасть на путь, ведущий в университет, чем те, чьи родители относятся к «синим воротничкам» или занимают должности, не требующие высокой квалификации, даже если учащиеся в раннем возрасте демонстрируют одинаковые успехи в учебе.

Нет сомнений в том, что подобные проблемы столь глубоко укоренены в национальных традициях и идеологии, что изменить их очень сложно. Немецкие чиновники успешно продвигали образовательные реформы на многих фронтах, но уклонились от решения проблемы неравенства, заложенной в систему образования. Пока чиновники заявляют, что им необходимо дождаться неопровержимых доказательств наличия социально-экономических раз-

Как насчет
социальной
мобильности?

Рис. 10. Обучение часто достается тем, кто нуждается в нем меньше всего

Участие рабочей силы в дальнейшем неформальном образовании и тренингах, связанных с работой, данные 2003 г.

Источник: ОЭСР.

личий, для чего потребуются не меньше десяти лет, о детях никто не вспоминает. Во многих других странах ситуация аналогична. Например, Франция отказывается публиковать результаты PISA о социальном неравенстве между школами.

К равенству
в обучении
в течение
всей жизни

Способность Европы конкурировать в глобальной экономике знаний будет определяться тем, смогут ли ее высшие учебные заведения соответствовать быстро растущему спросу на высокую квалификацию. А это, в свою очередь, будет зависеть от существенного улучшения качества результатов обучения и равенства образовательных возможностей. Совершенно ясно, что одного лишь начального образования недостаточно для удовлетворения возрастающего и, что еще важнее, изменяющегося спроса на квалификацию. Пропаганда «обучения в течение всей жизни», таким образом, справедливо стала целью политики образования в Европе.

Однако идея пожизненного обучения остается далекой от воплощения в большинстве стран (см. рис.10). Более 40% рабочей силы в Дании, США, Финляндии, Швейцарии и Швеции каждый год участвует в обучении и тренингах, связанных с работой. В Венгрии, Греции, Испании, Италии и Португалии менее 10% занятых проходят подобное обучение ежегодно. Более того, официальные лица, пропагандирующие пожизненное обучение как замену сильному начальному образованию, совершают ошибку. Реальность такова,

что люди, которые в наибольшей степени зависят от возможностей послешкольного образования и тренинга — безработные и занятые низкоквалифицированным трудом — получают их в наименьшей степени. Вероятность встретить в программах послешкольного образования или на тренингах людей, не получивших полного среднего образования, в большинстве европейских стран составляет менее 50%, и менее 25% — вероятность найти на этих тренингах тех, у кого нет адекватного высшего образования. Во всех странах ОЭСР работники сектора услуг высокого уровня имеют больше шансов пройти обучение, чем люди, занятые в других секторах. В целом обучение и тренинги для взрослых наиболее распространены в крупных фирмах, в госсекторе и таких сферах, как бизнес-услуги, банковское дело или финансы; обычно они предназначены для работников со стажем в фирме или занятых полный рабочий день; чаще распространяются на управленческие и руководящие позиции, чем на неруководящие или неквалифицированные; чаще проводятся для молодых сотрудников и работников на середине карьерного пути, чем для сотрудников старшего возраста; как правило, объем тренингов увеличивается в соответствии с накопленным у индивида уровнем квалификации. Большое беспокойство вызывает значительная доля молодых людей с низким уровнем образования, не занятых ни работой, ни образованием. В этом трагическом положении оказывается более 10% 15—19-летних в Италии, Словакии, Турции и Франции.

Международные сопоставления выявляют проблемы, которые стоят перед Европой. Но они же показывают, что эти проблемы, которые возникают и в других уголках мира, успешно решаются в столь разных странах, как Канада, Финляндия и Япония. И усилия таких стран начинают давать понимание того, какая политика может привести к успеху в этой области. Образование и квалификация для Европы будут тем ключом, который позволит ей достичь амбициозных лиссабонских целей. Для мира не имеют значения традиции и репутация в прошлом, он не прощает слабостей и не имеет представления об обычаях или практике. Успех придет к тем индивидам и тем странам, которые быстро адаптируются, мало жалуются и открыты к изменениям. Задачей европейских правительств должно стать обеспечение таких условий, при которых страны Европы могли бы ответить на этот вызов.

Путь вперед

Статья поступила в редакцию 04.04.07

И.Д. Фрумин

КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ А. ШЛЯЙХЕРА «ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ: ПОЧЕМУ ОБРАЗОВАНИЕ — КЛЮЧ К УСПЕХУ ЕВРОПЫ»

Андреас Шляйхер относится к числу людей, которые своим личным вкладом смогли существенно изменить глобальную образовательную политику последнего десятилетия. Интересно, что до середины XX в. образовательная политика двигалась, как правило, успешными и интересными прецедентами. С середины до конца XX в. движущими силами изменений в образовательной политике были новые технологии и масштабные социальные проекты расширения доступа к образованию.

Шляйхеру удалось показать, что в XXI в. могучим механизмом постановки проблем и выдвижения новых целей становятся масштабные исследования результатов образования. Конечно, можно привести примеры других исследований, которые оказали большое влияние на образовательную политику. Но большинство из них возникало, когда проблема уже была достаточно очевидной. А. Шляйхер инициировал исследование PISA (Project for International Students Assessment), когда в странах ОЭСР проблема с качеством образования виделась в основном в усвоении академических знаний. Группа под его руководством предположила, что проблема в другом — в выработке способностей и навыков прикладывать знания к решению реальных проблем. Ему удалось собрать уникальный консорциум лучших тестовых компаний мира, разработать инновационный инструмент оценки компетентностей и запустить цикл исследований PISA, который уже привел к значительному пересмотру взглядов на содержание образования, на социальные механизмы образования. Наш журнал уже не раз обращался к теме исследования PISA, но в этом материале Шляйхер выходит за его рамки и обсуждает более общие вопросы роли образования в повышении конкурентоспособности Европы. Будучи руководителем отдела мониторинга и индикаторов образования Организации экономического сотрудни-

чества и развития, Шляйхер имеет доступ к колоссальным массивам информации, которые позволяют ему аргументированно указывать на образование как на ахиллесову пяту Европы в экономическом соревновании. Он убедительно показывает, что вклады в образование возвращаются ростом доходов и производительности труда. Поэтому отставание Европы от США и в перспективе от Азии как в охвате высшим образованием, так и в качестве университетов становится ясным индикатором будущих проблем в освоении новых рынков и технологий.

При этом, однако, автор не считает возможным копировать образовательную систему США, но предлагает посмотреть на успешные площадки европейского образования, к которым он относит Северную Европу, и в частности Финляндию. Финский опыт базируется на предоставлении школам широкой автономии в содержании и методах обучения при масштабном обсуждении задач обучения, при обеспечении прозрачности работы школы для основных потребителей, при оказании многообразной поддержки учителям в решении их проблем. При этом поразительным образом разнообразие и высокая самостоятельность школ не привели к разрыву в образовательных результатах между школами. Более того, Финляндии удалось добиться самых низких в мире показателей различий в качестве обучения между разными школами.

В России разрыв в образовательных результатах между школами растет так же быстро, как разрыв в доходах разных групп населения. Однако мы не учимся у своего северного соседа. К сожалению, тема самостоятельности школ и поддержки учителей в достижении высоких результатов в обучении становится все менее популярной. На первый план образовательной политики, как ванька-встанька, постоянно «выпрыгивает» разработка образовательного стандарта, который магическим образом должен улучшить результаты обучения.

Другим проблемным аспектом повышения конкурентоспособности европейской системы образования, по мнению Шляйхера, является недофинансирование. С некоторым огорчением он признает, что без привлечения значительных частных средств система высшего образования не может быть конкурентоспособной. Россия, казалось бы, в этом смысле идет впереди многих европейских стран, постепенно осваивая активный рынок образования. Вместе с тем на этом рынке тон в основном задают неповоротливые и непрозрачные государственные вузы, используя все формальные и неформальные рычаги, чтобы ограничить развитие негосударственных образовательных организаций. К сожалению, Шляйхер не уделяет, как нам кажется, достаточного внимания структуре образовательной системы и вопросам внутренней конкуренции, что может создать у читателя впечатление, что он выступает просто за увеличение финансирования существующей системы вузов.

Последним проблемным аспектом европейской образовательной политики, по мнению Шляйхера, является вклад образования в социальную мобильность, в повышение социальной интеграции. Он ясно показывает, что ранняя специализация и тупиковые траектории укрепляют сложившуюся социальную стратификацию. Последствия такой политики особенно печальны в тех странах, где не создается возможностей для неформального обучения в течение всей жизни. Эта критика актуальна и для России, где возникает все больше барьеров на пути образовательной мобильности, которые, в свою очередь, приводят к тупикам в траекториях социальной мобильности. Для нас актуален и призыв к большим вложениям в образование взрослых.

В целом очевидно, что будущее российского образования — в конкуренции и с американской, и с европейской, и с азиатскими системами образования. Статья Шляйхера — хороший повод, чтобы начать разбираться в их стратегиях выигрыша.